

* * *

Опять весну переживём,
но в ожидании едином
мы будем плакать день за днём
в тоске о всём невозвратимом.

И что останется о ней
нам вспоминать? В какие годы?
И только любим всё сильней
под снегом дремлющие всходы.

* * *

Ничего от меня не осталось,
угли рая лежат в шалаше.
Лишь порой разгорается жалость
к бесконечно усталой душе.

Отовсюду всё время гонимый,
перед кем я главу преклоню?

Может быть, наконец-то одни мы
станем верными ночи и дню?

Чтобы каждая наша частица
отдавалась свече и лучу.
Не хочу ничему я учиться
и жениться опять не хочу.

Так и будем до старости самой
тихо-тихо друг другу верны?
Не была ты ни злой, ни упрямой,
только мне ты не знала цены.

И не знала, что значит усталость,
когда всюду одни лишь враги...
Ничего от меня не осталось,
я последние отдал долги.

Игорь Александрович Елисеев родился 29.12.1952 в Ростове-на-Дону. Окончил факультет испанского и английского языков Пятигорского пединститута иностранных языков. Поэт, переводчик. Издал около 20 книг стихов и переводов, словарей. Стихи переводились на английский, чувашский, карачаевский, ингушский, болгарский, непали, польский, турецкий, сербский, португальский языки. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись». За свою литературную деятельность награждён многочисленными дипломами и грамотами, среди которых международная премия имени Клеменса Яницкого (Польша) и почетная грамота Союза писателей Черногории. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Член Международного союза литераторов и журналистов АРПА (награждён дипломом за большой вклад в развитие Союза, Лондон), Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Проживает в г. Ростове-на-Дону (Россия).

Конец июля. Отцвели каштаны.
 По небу — грозовые облака.
 Как странно жить, когда другие страны
 не дозвутся нас издалека.

Открыт шлагбаум, но гони монету,
 а нет монеты — споры ни к чему.
 И никогда нам не покинуть эту
 давно осточертевшую тюрьму.

А зелень всё печальней и темнее,
 и скоро под ногами ей желтеть.
 Пылает жаром яростным над нею
 до блеска отшлифованная медь.

Над нами, словно птицы,
 кружат громы,
 на землю ливни падают стремглав.
 И мы выглядываем из души, как гномы
 из отягчённых влагой буйных трав.

РЕЧНОЙ ТРАМВАЙЧИК

По стенам солнечный и лёгкий
 скачет зайчик,
 в реке сверкают серебро и синева.
 Бежит неслышно по донской волне
 трамвайчик,
 речной трамвайчик под названием
 «Москва».

И память, как белоголовый
 одуванчик,
 уже летит, неприхотлива и резва,
 Туда, где ждет меня у пристани
 трамвайчик,
 речной трамвайчик под названием
 «Москва».

И вот в матроске я стою,
 тот давний мальчик,

семь лет которому
 исполнилось едва,
 иду по сходням восхищённо
 на трамвайчик,
 речной трамвайчик под названием
 «Москва».

А годы крутятся, как маленький
 штурвальчик,
 любви повсюду зеленеют острова.
 Бежит, бежит безостановочно
 трамвайчик,
 речной трамвайчик под названием
 «Москва».

И словно солнечный повсюду
 виден зайчик —
 мелькает русая дочурки голова.
 Куда, куда же ты бежишь,
 речной трамвайчик,
 Речной трамвайчик под названием
 «Москва»?

ДОНСКОЙ ПРЕЛЮД

В этой местности пыльной,
 где кочевники-ветры поют,
 где над степью ковыльной
 рукотворные горы встают,
 где в прудах и оврагах
 задремала на время вода,
 где от греков к варягам
 и обратно проходят суда,
 где Емеля и Стенька
 вторглись в память,
 как сын или брат,
 где багряною степью
 как тачанки, рассветы летят,
 где казацкие пики
 превратились давно в тополя,
 и предсмертные крики,
 словно воду, впитала земля,

где, подобно прелюду,
я услышал мотив бытия,
вспомни, вспомни, что всюду
здесь присутствую я.

*

Мне мало знать, что я живу на свете,
мне надо знать, зачем на нём живу,
свой путь пройдя, быть может,
на две трети.

Не только от любви бывают дети,
от скучного бывают рандеву.
Чужих детей никто не любит, право,
а если демонстрируют любовь
подарками, улыбкою слащавой —
любовь такая лжива и лукава,
как девственницей пролитая кровь.

И, может быть, я вам не интересен,
но я ведь здесь, но я пока среди вас.
Как старые одежды, мир мне тесен.
Свобода — лишь в безбрежных
далях песен,

где душу выставляешь напоказ.
Другой такой на свете нет, смотрите!
Уж тем велик я, что неповторим.
Но тянутся невидимые нити —
пусть в этом нет сенсаций

и открытий —
уз родственных с грядущим и былым.

*

Во мне обитает вечность.
Я чувствую её бесконечную пустоту.
Но я ещё не выполнил своё
предназначение,
мне рано возвращаться в неё
бесплотным сгустком энергии.
Что будет с этой местностью,
где я родился,
и с той, где я никогда не был?
Ничего.
А точнее — то, что было бы,

если бы меня не было вовсе.
Поэтому отчаяние,
словно ветер степи,
иссушает меня,
и душа становится похожей
на колючий кустарник,
которым питаются только

верблюды
(зато есть возможность остаться
в живых,

ибо в гибельные эти пески
не заходит ни один караван).
О Дон, я крестился в твоих водах,
но нет веры во мне,
потому что я ненавижу кресты.

*

Не думай плохо обо мне.
Здесь нет моей вины.
И дело даже не в вине,
а в шелесте волны.
Он слышится уже века
сквозь эту тишину.
Течет во мне веков река,
я в той реке тону.
Моё лицо глядит со дна,
в твоё лицо глядит,
как будто отражение сна,
как будто плач навзрыд.

*

Это не история жизни моей.
(Попробуй, жизнь опиши!
Попробуй, в кувшин океан налей!).
Это история моей души.
Здесь всё непоследовательно, здесь
множество есть дорог.
Небо и землю, город и весь
я совместил, как мог.
Ветер — это моя душа.
Нет остановки ей.
Ветру не надобно ни гроша,

только б лететь быстреей.

Так, чтоб земля и небо слились,
веси и города,
чтобы внизу оказалась высь,
та, что была горда.

*

Я люблю себя в детстве, маленьким.
Не отцовский сынок, не маменькин,
я — рождённый от одиночества,
хоть и с именем, да без отчества,
до сих пор остаюсь в том времени
(о, ты видишь ли в той поре меня?),
где в наивности и невинности
мог я ненависть вашу вынести
к непохожести, к неподобию,
к нестремлящимся к всеудобию,
к нехотящим жить припеваючи
и ко всем, в облаках витающим.
Так и было. Тогда не марки я
(разной формы, цветные, яркие)
собирал, а, задравши голову —
цветом в бронзу, и в медь, и в олово —
облака, в этом деле — мастером.
И всё небо мне было кляссером.

*

Всё истрепано нынче, пропито.
Но житейского всё же опыта
Нет как не было.

Жалко трудностей —
не набрался житейской мудрости.
Словно в детстве, смотрю на небо я,
много жажду, но мало требую.
Каждый волен в своем хотении:
звёзды с неба срывают гении;
с огорода — цветочек аленький
тот, который твердит: «Я маленький
человек...» О вы, годы юные!
Ночи звёздные! Ветры дюнные!
В грудь, в лицо мне дождями

бывшие —

вы не прошлые, вы не бывшие.
Вы живёте во мне, стареющем,
как в истрёпанном флаге реющем.

ГЛАДИАТОР

Всё меньше родных и знакомых,
всё меньше подруг и друзей.
Душа не в чертогах искомым —
в развалинах, как Колизей.

Когда-то на этой арене
я бился в поту и крови,
пусть даже упав на колени,
во имя добра и любви.

Я бился за правду и волю,
а не за богатство и снедь,
за эту счастливую долю —
за душу свою умереть.

Народ на трибунах бесился,
в меня оскорбленья меча,
но я от обид и бессилья
не бросил щита и меча.

Века миновали... Пожары
успели прошедшее сжечь.
Но я, все такой же поджарый,
стою, опираясь на меч.

Давно опустели трибуны
в руинах кровавых веков,
но дух мой — по-прежнему юный
и к новым сраженьям готов.

Враги всё не выйдут из комы...
И память уже — как музей,
где много родных и знакомых,
где много подруг и друзей.